

В.А.Карагодина

Запорожский государственный университет

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕННОНИТСКОГО ПРАВОПОРЯДКА (XIX в.)

На основі архівних матеріалів регіонального характеру розглянуті питання освіти серед менонітів, проблема виникнення приватної освіти та елементи інтеграційного порядку, які мали місце в менонітській спільноті середини XIX ст.

Одной из главных особенностей крестьянской колонизации Запорожского края была ее многонациональность и многоконфессиональность. Среди многих народностей, заселявших наш край в XVIII в., были и немцы-колонисты, которых представляли меннониты, католики и лютеране. В Запорожском крае они концентрировались в Александровском, Бердянском и Мелитопольском уездах.

Названные колонисты внесли весомый вклад не только в развитие производительных сил, но и в духовную сферу дореволюционного общества. Следы их пребывания на запорожской земле заметны и сейчас: это мощные здания, мельницы, многочисленные колодцы, больницы и, наконец, школы, которые и сейчас используются по своему первоначальному назначению, например, чудесное строение в готическом стиле по улице Истомина на Верхней Хортице, бывшее среднее женское училище.

А.С.Афанасьев-Чужбинский, этнограф и писатель, в середине 50-х гг. XIX в. подчеркивал позитивное влияние колонистов на местных крестьян¹. К сожалению, крестьяне весьма осторожно и с неохотой перенимали опыт колонистов в сфере образования. Один из собеседников Афанасьева-Чужбинского, «умный крестьянин Екатеринославской губернии» объяснял такое отношение отличиями в «порядках» разными обычаями: «у нас не те порядки», «да и порядки у них мудренее, черт побери», «а жить нам не выходит, как немцам».

Что же это за порядки, которые существовали у немецко-колонистов, в частности, в образовании? Во-первых, у всех немцев было общее право на обязательное начальное образование. «Видите ли, у него (немца. – В.К.) малые дети, сколько их есть, мальчишки и девочки, ходят в школу; там не скажут, что нет места, а приходи и учись сколько хочешь. У нас же этого нельзя, а если бы все село вздумало учить детей, так иному хлопцу пришлось бы стоять на выгоне, а как же он учился бы за вер-

сту?» – образно толковал «умный крестьянин» любознательному путешественнику. Во-вторых, возможно и поэтому у немцев все грамотные (и это в середине XIX в.): «немец привык к порядку... другое – все грамотные». В-третьих, у немецких колонистов другое отношение к образованию: у них теснее наблюдается связь учебы с жизнью. «Они сизмалу приучаются к работе и порядку... В немецких колониях всякий родитель старается дать своим детям необходимые для их быта познания наук и чрез то благоустройство колоний, земледелие, садоводство и скотоводство у них процветают»².

Наконец, в-четвертых, именно у немцев-колонистов впервые в Запорожском крае появилось частное платное образование – то, что у нас сейчас называют «негосударственной сферой образования» или «негосударственным сектором финансирования»³. Для примера можно указать на Эмму Прайс, «бывшую прусско-подданную, принявшую присягу на верность подданства России», которая в 1855 г. обратилась с прошением открыть в Александровске «частную женскую школу»⁴, или частную школу на хуторе Штейнбах в Бердянском уезде⁵.

Об образовании, просвещении у меннонитов Южной Украины писали многие исследователи⁶. Но в их работах мы могли находить лишь описания сельских школ, которые находились на содержании самих колоний. Центральные училища или же профессиональные школы поддерживались целыми округами. К сожалению, частное образование у меннонитов пока еще не нашло своего отражения в историко-правовых исследованиях. Предметом же данного исследования есть частные школы в системе меннонитского правопорядка, сравнительно-правовой анализ народного образования на юге Украины через призму сопоставлений просвещения у меннонитов и коренного населения Запорожского края, прежде всего крестьян в середине XIX в.

Актуальность данной статьи и заключается в постановке и попытке решения этой слабо изученной проблемы – проблемы становления частного образования у меннонитов Южной Украины.

Цель статьи: раскрыть содержание народного образования иностранных колонистов в системе меннонитского правопорядка в сравнении с общепринятой системой просвещения на окраинах Российской империи через призму конкретного анализа содержания и функционирования зачатков частной школы в Молочанском меннонитском округе Таврической губернии Мелитопольского уезда.

Объектом исследования является комплекс исторических источников, хранящихся в Государственном архиве Запорожской области, которые впервые вводятся мною в научный оборот. Эти материалы сохранились в фонде Ореховского уездного училища (ф.109). Орехов, как извест-

но, долгое время был уездным центром Мелитопольского уезда. И он концентрировал в себе все присутственные места этого уезда. 19 февраля 1801 г. он стал городом. И поскольку здесь находился смотритель школ всего Мелитопольского уезда, то сюда стекались информационные потоки, связанные не только со сферой образования, но и различные статистические сведения о социально-экономическом положении целого уезда. Обнаруженные сведения являются едва ли не единственными по истории частного образования в Запорожском крае в середине XIX в. Географически мое сообщение относится к частной школе в колонии Штейнбах Бердянского уезда Таврической губернии. Но что представлял собой Штейнбах? Штейнбах – это частное имение, расположенное на южной оконечности Молочанского меннонитского округа, между колониями Штейнфельд и Элизабетталь. Оно было основано в 1812 г. Клаасом Винсом, первым обершпультцем Молочанских колоний, который до этого проживал в Альтонау. Именно после проезда через земли меннонитов в 1825 г. Александр I подарил Винсу огромный участок земли в этом месте. В качестве приданого за дочерью Винса эта земля перешла в собственность его зятя Питера Шмидта⁷.

Первой визитной карточкой меннонитских поселений на пути последнего путешествия Александра I в Крым в 1825 г. стала колония Штейнбах. Но является ли Штейнбах колонией? Ни в одном из списков Молочанского меннонитского округа колонии с таким названием нет. Но Александр I действительно останавливался в Штейнбахе. В качестве отправной точки поиска автор привлек «Списки населенных мест Российской империи. Таврическая губерния», которые дают краткую характеристику всех населенных мест.

Итак, в названной книге читаем: «Пятьсот два. Штейнбах (Шмидта), хутор владельческий при речке Юшанлы». Данное поселение находилось по правую сторону солевозного тракта, который был проложен из Мелитополя (до 1842 г. Новоалександровки) в город Бахмут и следовал через слободу таврических молокан Астраханку. В 1864 г. на хуторе Штейнбах находилось всего 12 дворов с населением 38 человек мужского и 15 человек женского пола. А вот и данные, которые, видимо, прельстили составителей маршрута Александра I: при хуторе, расположенном в степи, в безлесой местности находились фруктовый сад и лесная плантация.

Как известно, согласно указам русских императоров, начиная с Екатерины II, Павла I и самого Александра I, на каждый меннонитский двор в подворно-наследственное владение отводилось по 65 десятин. Кроме того, создавался фонд запасных земель, которые предназначались или для новых поселенцев, или для членов своих же колоний, население которых увеличивалось за счет естественного прироста. Но пока ни один из

названных факторов не вмешался в развитие поземельной ситуации в меннонитском мире на реке Молочной, возможностью обогатиться и за счет запасных земель не преминули воспользоваться некоторые наиболее предприимчивые меннониты, как правило, наиболее зажиточные (в освоении новых участков необходимо было вкладывать дополнительные капиталы), и лица, известные своей общественной и административной деятельностью. Поводами к отведению запасных земель могли быть объявленное стремление к строительству завода или фабрики, разведению фруктовых садов, но чаще готовность к лесоразведению. На практике происходило комплексное развитие хозяйства у таких предприимчивых дельцов.

Именно на таких принципах и возникла дача (хутор) Штейнбах. Ее называли мызой, фольварком. Согласно данным А.Клауса она занимала 3 257 десятин запасных земель, находившихся в «беспереоброчном пользовании» владельца этой дачи, «отдельного меннонита»⁸.

Штейнбахская школа возникла из попытки хозяина хутора Питера Шмидта дать образование собственным детям. Это и понятно. В Штейнбахе, совсем малолюдном населенном пункте, не было возможности открыть обычную сельскую школу, какие функционировали в каждой колонии. К тому же Питер был зажиточным хозяином, землевладельцем, поэтому мог себе позволить нанять частных учителей для своих детей. Но как человек практичный, с коммерческой смекалкой П.Шмидт и из этого факта попытался извлечь выгоду. Программа обучения в его школе была более обширной, чем в других колонистских школах. Тем более что обучение своих детей он доверил опытным, знающим свое дело педагогам. Вскоре молва о школе в Штейнбахе вышла за пределы этого небольшого населенного пункта. Желание обучать своих детей именно в школе Шмидта начинают изъявлять жители соседних колоний и даже купцы и мещане окрестных городов и селений.

Итак, частная школа возникла на частных землях, у частного землевладельца. И в этом не было ничего особенного. Такая школа не могла возникнуть в обычных колониях. Там дети и бедных и богатых родителей получали бесплатное образование: колония арендовала или строила помещение школы, нанимала за деньги учителя и, таким образом, начинала функционировать сельская колонистская (в данном случае меннонитская) школа. Всеобщее начальное образование было характерно для меннонитских колоний. Шмидт же собирал под крышу своей школы (училища) детей зажиточных колонистов, которые способны были платить за обучение и проживание в Штейнбахе.

Школа начала свою деятельность еще в 1838 г. До начала 50-х гг. она действовала как бы анонимно под видом обычной общественной

сельской школы, а затем, со временем – как частный пансионат. Вполне естественно, что она начиналась как сельская, это подтверждали и ореховские учителя, которые подняли вопрос о незаконности ее существования в 1852 г. Кстати, они писали, что «Петр Шмед уже около шести лет содержит в своем доме частный пансионат»⁹.

Впервые о неизвестной школе на хуторе Штейнбах местным властям стало известно из рапорта смотрителя учебных заведений Бердянского и Мелитопольского уездов, поданного смотрителю колоний Пелеху 12 апреля 1852 г. Смотрителю учебных заведений понадобилась информация о школе в Штейнбахе для предоставления ее директору училищ Таврической губернии. Его интересовали вопросы: на каком основании содержится штейнбахская школа, кто разрешил ее существование, имеют ли ее учителя право преподавать. Особенно его беспокоила правомочность учителей обучать в этой школе русских детей. «При законных условиях существования этой школы, – писал смотритель, – ее необходимо внести в ведомость частных школ по Бердянскому уезду»¹⁰.

Смотритель немецких колоний второго округа южного края России коллежский асессор Пелех не замедлил с ответом. Но организовал его от заинтересованных лиц. Первым, очевидно, отрапортовал «находящийся у жительствующего на своей земле населенной хутором под название Штейнбах меннониста Петра Шмидта учитель меннонист колонии Орлов» Франц Дик. Из его ответа стало ясно, что никаких свидетельств на право обучения детей ни он, ни другие учителя школы не имели. В ответе же самого П.Шмидта (текст без начала) этот вопрос раскрыт шире, хотя и сам хозяин школы во многом повторяет сведения Ф.Дика. Впрочем, П.Шмидт высказал мнение о закономерности открытия таких, подобно штейнбахской, школ.

Дальнейшие рассуждения П.Шмидта показали его широкие знания правительственной политики в области народного просвещения. Еще в 1848 г., писал он, штатный смотритель учебных заведений Бердянского и Мелитопольского уездов сообщил меннонитам указание правительства о передаче колонистских школ в подчинение Министерству народного просвещения. Это было сделано потому, что колонистские школы «якобы подходили под права приходских училищ». Колонистское начальство не согласилось с таким решением. Оно пояснило, что школы в колониях «не есть приходские училища, а сельские школы». И, не допуская реального перехода колонистских школ в ведомство МНП («не изменяя прежде существующего на обучение детей в колониях порядка»), обратилось к высшему по инстанции начальству. На какое-то время меннонитские школы были оставлены на положении частных учебных заведений. Началась переписка двух ведомств: МНП и Министерства государственных

имущества. В 1848 г. было принято компромиссное решение. Попечительный комитет об иностранных колониях южного края России был уведомлен о том, что смотрители училищ имеют право при объездах осматривать не только казенные школы, но и лежащие на их пути колонистские учебные заведения. Но школы в колониях по-прежнему считались сельскими.

Объяснив историю школьного образования, П.Шмидт предложил местным властям считать и его школу в Штейнбахе «сельской школой». Он предложил начать поиски «экзаменационного учителя», то есть учителя, имевшего право обучать. Об этом он и написал 7 мая 1852 г. Какое направление приняло разрешение вопроса о существовании в Штейнбахе школы – неизвестно. Но, судя по основательности объяснений П.Шмидта, положительное.

Ничто не предвещало решительного столкновения. Но спустя полгода в дело включились заинтересованные лица, а именно: преподаватели Ореховского уездного училища законоучитель Кондрат Белый, учитель русского языка Гахов, учитель истории и географии П.Левицкий и другие. Свою заинтересованность в учениках они обосновали тем, что штейнбахские учителя не имеют законных прав на преподавание. В результате такого обучения, писали они в рапорте штатному смотрителю Ореховского уездного училища С.М.Мопкалову, «казенным училищам» (читай названным учителям) наносится «ущерб». Заинтересованные преподаватели просили Мопкалова дать ход рапорту и довести до сведения директора училищ Таврической губернии «для поступления с виновными по закону»¹¹.

Еще раз подчеркнем, что преподавателями Ореховского уездного училища двигал чисто материальный интерес. Мол, мы учителя, имеющие законные сертификаты на преподавание, не имеем возможности подработать, тогда как преподаватели, «никакого права» на это не имеющие, успешно работают в богатой школе. Это особенно становится ясным в связи с попыткой открыть частную женскую школу в 1855 г. в Орехове Эммой Прейс. Сообщая свой план, Эмма Прейс заявляла, что закон Божий будет преподавать в этой школе никто другой как священник Кондрат Белый, а «для других предметов избраны будут гг. преподаватели Ореховского уездного училища»¹². И все же местное начальство, разобравшись в ситуации, квалифицировало рапорт ореховских учителей как обычный «донос». Причем этот донос являлся фактической кляузой на колонистские органы управления, осуществившие «слабое обозрение немецких школ»¹³.

Итоги данного конфликта 3 декабря 1852 г. подвел смотритель Мопкалов в письме директору училищ Таврической губернии. Начальник уездного образования сообщал, что штейнбахское училище принад-

лежит к ведомству Министерства государственных имуществ и содержится за счет меннонитского общества на таких же правах, как и прочие сельские колонистские школы. Тем более что штейнбахская школа, подчеркивал он, показывается, как и все, в отчетах «в числе прочих меннонитских школ». Действительно, в «Ведомости об учебных заведениях Бердянского и Мелитопольского уездов, не состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения», за 1845 г. значилось «Штейнбахское общественное училище». Находилось оно на хуторе Штейнбах и было образовано 1 сентября 1838 г.¹⁴ Единственное, что не было ясно уездному смотрителю школ, так это вопрос, на каких основаниях в нем обучались русские дети. Поэтому этот представитель просвещения в уезде запретил принимать русских детей в штейнбахскую школу¹⁵. На этом закончилась официальная переписка.

Но нас, конечно, интересует, что же это была за школа, учебный процесс в этой школе, принципы ее функционирования и все остальное, связанное с этим типом учебных заведений. Тем более, что она выходила за рамки обычных сельских школ в колониях. Какой же статус имела случайно открытая школа на хуторе Штейнбах? Большинство документов ее определяют как школу, учебное заведение; другие уточняют, что это был частный пансионат, расположенный в доме П.Шмидта. По утверждению же последнего, дети в его школе обучались «только для собственных своих домашних познаний, а не с предоставлением им права поступать на службу или другие учебные заведения без выдержания, где следует, экзамена». Это в основном касалось немецких учеников. Что же касается русских мальчиков, по желанию своих родителей («некоторых российских граждан») поступали не только «для одного своего домашнего хозяйственного употребления», но и «для предварительного приготовления детей своих до вступления в надлежащие учебные заведения». Именно для этой цели они и изучали немецкий язык. Но после окончания учебного заведения в Штейнбахе им, разумеется, никаких свидетельств или аттестатов о науках не выдавалось. Шмидт признавал, что обучение в его школе «есть одно лишь только приготовление к науке».

Но рассмотрим глубже сам процесс обучения в частной школе в Штейнбахе. Как стало известно из донесений и рапортов, в школе преподавалось две группы предметов. Во-первых, здесь не игнорировались общероссийские предметы («в ней обучают всем русским предметам, как-то русскому языку, арифметике, истории, географии, чистописанию и рисованию»). Но в этой школе преподавались и другие предметы, которые не изучались в обычной сельской школе, а именно, немецкий и французский языки, а также музыка. Интересное замечание сделал учитель этой школы Франц Дик, сообщивший, что в ней обучали «тем нау-

кам, как обучались собратия (меннонитов.— В.К.) за границею, то есть кроме чтения для богомолія и необходимым в хозяйственном быту познаниям, а именно: чистописанию, арифметике, истории, географии, пению для богослужения и рисованию, кроме того, немецкому и российскому языку».

Обучение в Штейнбахе осуществлялось двумя учителями. Один из них,— меннонит колонии Орлово Франц Дик, который до этого сам обучался в орловской общественной школе. Франц Дик пользовался советами «председателя И.Корниса». Именно Дика пригласил в свою школу Шмидт. Последний пригласил в помощь «дворянина из ногайцев» Алибея Мирзу, который до этого воспитывался в Москве у генерал-лейтенанта Измайлова, где выучился не только русскому, но и французскому языкам. Он преподавал ученикам, кроме этого, музыку, чистописание и рисование. Франц Дик обучал учеников географии, арифметике, немецкому языку, а также русскому языку, в котором, однако, разбирался слабо. Именно для усовершенствования в русском языке он пригласил Алибея Мирзу. Оба они не имели аттестатов на преподавание. Единственным, кто отвечал чиновничьим требованиям, был меннонитский пастор, который преподавал Закон Божий для немецких и русских учеников.

Особенностью функционирования данной школы было то, что в ней обучались не только немецкие дети, но и дети русских чиновников и купцов. Их приглашали с практической целью, «чтобы усовершенствовать колонистских детей в русском языке, которые без практического с русскими детьми разговора говорить по-русски не могут, хотя российскую грамоту и знают». И Дик, и Шмидт отрицают стационарное обучение и проживание русских мальчиков в Штейнбахской школе на положении пансионеров. Но факты свидетельствуют об обратном. Смотритель школ обнаружил в этой частной школе живущих в ней более 20 детей чиновников и купцов.

Перед нами — одна из первых, если даже не первая, частная школа меннонитских колоний. Частная школа на частных землях, организованная частным лицом... Но частной ее делало не столько это, сколько содержание учебной программы, которая была намного шире и интересней, чем в обычных сельских школах.

Существование штейнбаховского частного пансионата свидетельствовало о стремлении зажиточного крыла немецких колонистов выйти за рамки рутинного местного образования; объясняло надежды меннонитов на более совершенные знания и по большему кругу общеобразовательных и специальных предметов. И еще: организация учебного процесса в этой школе, особенно преподавание иностранных языков заслуживает

самого пристального внимания и признания. Она является интернациональной по своему содержанию, национальной по форме.

Данная статья предполагает дальнейшее исследование проблем частного образования у иностранных колонистов Южной Украины в рамках государственных форм народного образования.

Примечания

¹ *Афанасьев-Чужбинский А.С.* Поездка в Южную Россию. Очерки Днепра.– С.Пб., 1861.– Ч.1.– С.165.

² *Государственный архив Запорожской области.*– Ф.109, оп.1, д.56, л.621 об.– Далее: ГАЗО.

³ *Огаренко В.М.* Недержавна вища освіта в Україні: перше десятиліття. Історичний нарис.– Запоріжжя, 2000.– С.163.

⁴ *ГАЗО.*– Ф.109, оп.1, д.33, л.9–9 об.

⁵ Там же.– Д.27, л.31–32 об.

⁶ *Клаус А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России.– С.Пб., 1869.– Вып.1.– С.376–455; *Пуха И.В.* Школы на Запорожье // *Индустриальное Запорожье.*– 1992.– 12 мая; *Тутик Л.С.* Школьное образование в немецких и меннонитских колониях Екатеринославской губернии (конец XVIII – начало XIX в.) // *Вопр. германской истории. Немцы Украины.*– Д., 1995; *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов.– М., 1916.– С.199–208; *Brown P.* Educational system of the menonites colonies in South Russia // *The Mennonite quarterly review.*– 1929.– July.– Vol.3.– N3; *Ens A.* Mennonite education in Russia // *Mennonite in Russia (1789–1988).* Essays in honour of Gerhard Lohrenz / Edited by J.Friesen.– Winnipeg, 1989.– P.75–94; *Friesen P.M.* The Mennonite brotherhood in Russia (1789–1910).– California, 1978.– P.724–727; *Mennonite encyclopedia.* V., 1956.– P.153–157.

⁷ *Пуха И.В.* Школы на Запорожье // *Индустриальное Запорожье.*– 1992.– 12 мая.

⁸ *Карагодин А.И.* Александр Первый (последнее путешествие).– 2-е изд.– Запорожье, 2001.– С.117–119.

⁹ *ГАЗО.*– Ф.109, оп.1, д.27, л.68–68 об.

¹⁰ Там же.– Л.29 об.

¹¹ Там же.– Л.68–68 об.

¹² Там же.– Д.31, л.9–9 об.

¹³ Там же.– Д.27, л.67–67 об., 73.

¹⁴ Там же.– Д.56, л.851 об.–852.

¹⁵ Там же.– Д.27, л.78–78 об.

Надійшла до редколегії 12.05.02